

В.А. Янчук

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНО-ИНДЕТЕРМИНИСТСКАЯ ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В НАУЧНОМ ОБЪЯСНЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Рассматривается проблема научного объяснения в психологии. Анализируются различные подходы и модели научного объяснения. Показывается специфика объяснительного плюрализма в описании и понимании психологической феноменологии. Обосновывается продуктивность постмодернистского социокультурно-интердетерминистского диалогизма как ресурса углубления объяснения и понимания феномена человека как био-психо-социальной сущности. Определяются перспективы развития научного объяснения в психологическом познании.

Ключевые слова: атрибутивное объяснение, дедуктивно-номологическая модель, диалог, интегративно-эклетический подход, каузальный реализм, каузально-механическая модель, конструктивный эмпирицизм, культура, культурно-научная традиция, модель статистической значимости, натурализм, научное объяснение, научный реализм, объяснительный плюрализм, полифонизм, постмодернизм, социально-конструктивистско-лингвистический подход, социокультурный интердетерминистский диалогизм, унификационистская модель.

Вынесение на публичное обсуждение на страницах журнала «Методология и история психологии» проблемы научного объяснения в психологии отражает сложившуюся в этой науке ситуацию переосмысления фундаментальных вопросов, связанных с самоопределением в перспективах ее развития. Казалось бы, дотоле незыблемые методологические основания психологического знания, будь то позитивистские, диалектико-материалистические и т.п., в целом отражавшие модернистскую (универсалистскую) традицию, начали приходить в выраженное противоречие с развитием социокультурного контекста, характеризующегося постмодернистскими (антиуниверсалистскими) тенденциями, проявляющимися в осознании необходимости нахождения новых ресурсов развития научного знания на качественно иных основаниях, предполагающих саму возможность и необходимость существования в условиях многообразия подходов и решений. Неожиданное

озарение в том, что альтернативные подходы обладают несомненным эвристическим потенциалом, что традиционные аргументы в адрес их ненаучности и необоснованности не убедительны, что в собственных методологических основаниях имеется достаточно белых пятен, устранить которые не так просто, как казалось, потребовало своеобразной коллективной рефлексии, направленной на нахождение путей взаимообогащения и развития. Это обстоятельство самым непосредственным образом касается и проблематики научного объяснения исследуемой феноменологии, с заметным постоянством актуализирующейся в дискуссиях по перспективам развития психологической науки.

Проблема научного объяснения исследуемой феноменологии имеет весьма продолжительную историю. Фактически о ее постановке можно говорить со времен теории каузации Аристотеля. Однако само понятие объяснения как своеобразного гаранта независимого анализа

началась лишь в XX веке с работ P. Duhem, С. Hempel, Р. Oppenheim и др. С их точки зрения, объяснить феномен означает, скорее, дать ответ на вопрос «почему», нежели на вопрос «что». И если последний вопрос означает всего лишь констатацию происходящего, то первый связан с выяснением его причинных оснований.

Применительно к психологическому знанию эта проблема изначально приобретает каузальный или причинно-следственный характер в контексте модернистского универсализма, ориентированного на открытие объективных законов сущего [9]. Полагание на позитивистскую методологию в психологическом познании неизбежно приводит к необходимости нахождения причинно-следственных связей, позволяющих, во-первых, получать объективные основания для прогнозирования поведения и, во-вторых, рациональные объяснения универсального свойства, основывающиеся на идее принципиальной возможности, пусть и опосредованного, доступа к объективной реальности. Критика данного подхода исходит из констатации его уязвимости, обусловленной невозможностью непосредственного доступа к изучаемой психологической реальности, а следовательно, ее потенциальной многотрактуемости, что становится характерным и для постнеклассической науки в целом [4]. Отсюда популярность идей онтологического плюрализма, конвенциональности, культурной конструируемости и т.п. психологического знания, характерных для постмодернистской традиции. Именно контекст названных традиций и определяет специфику анализа обозначенного проблемного поля.

Сама по себе необходимость выработки определенных объяснительных моделей обусловлена природой психологической феноменологии, характеризующейся пространственно-временной континуальностью и поточностью бытия,

требующей упорядочивания для достижения определенности (ориентации) в нем. Такого рода упорядочивание неизбежно при понимании того, что оно всегда является огрублением реальности и носит социокультурно-интердетерминированный характер, т.к. именно культура предоставляет необходимые ресурсы и средства (категориально-понятийный аппарат, культурные метафоры, социальные нормы, ценности и поведенческие алгоритмы или активности). Соответственно, изменения в социокультурном контексте приводят к изменениям и в научном, и в обыденном объяснении.

Так как специфика научного объяснения, в том числе и психологического, определяется возможностями языка описания, то ее более глубинное рассмотрение началось с так называемого лингвистического поворота в философии, происшедшего в XX веке и связанного с попытками философов понять природу современной теоретической науки. Особый интерес вызывали теории, устанавливающие существование ненаблюдаемых единиц и процессов (например, атомов, полей, генов, психики и т.п.). Это связано с постановкой основополагающей оппозиции: с одной стороны, отвергание непреклонными эмпирицистами ненаблюдаемых единиц как научной фактуры в принципе; с другой стороны, революционные результаты в науке, приносимые теориями, оперирующими ненаблюдаемыми единицами.

В этом контексте принято различать буквальную истину теории и ее объяснительные возможности по отношению к наблюдаемым феноменам. Несмотря на то, что это различие между ними является важным, оно допускает множественность интерпретации и создает основания для дискуссий вплоть до сегодняшних дней. Как отмечает G.R. Mayes, проблема заключается в том, что в философии понятия «истина» и «объяснительные возмож-

ности» имеют как реалистическую, так и эпистемическую интерпретации. В реалистической интерпретации истинность и объяснительные возможности теории определяются соответствием языка внешней реальности. Теория, которая является как истинной, так и объяснительной, дает нам представления о каузальной структуре мира. В эпистемической интерпретации, тем не менее, эти понятия выражают только возможности теории в упорядочивании нашего жизненного опыта. Истинная и объяснительная теории упорядочивают наш опыт в большей степени, чем необъяснительные [24].

Для более глубокого понимания реалистической и эпистемической перспектив в рассмотрении проблематики специфики научного психологического объяснения полезно привлечение понятия культурно-научных традиций, позволяющего проследить эволюцию мировоззрений на протяжении развития человеческой культуры. В культурно-научных традициях, представляющих собой сформировавшиеся в определенные исторические эпохи системы знаний о природе сущего и способах обращения с ним отражаются изменения представлений человека о мире и своем месте в нем. Эти представления актуализируются в индивидуальных и общественных сознаниях в виде конкретных знаний о сути наблюдаемых процессов и явлений и способах обращения с ними. В целом можно говорить о том, что *культурно-научная традиция* представляет собой многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений, характеристику определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и

роли в окружающем мире [11, с. 34]. В истории человечества с определенной долей условности можно выделить синкретическую, теоцентрическую, модернистскую, постмодернистскую и, в перспективе — пост-постмодернистскую традиции, более развернуто представленные нами в акцентированных публикациях [10–12].

Для рассмотрения обсуждаемой проблематики объяснения в психологии особую значимость имеют модернистская и постмодернистская традиции. Первая, во многом определившая развитие психологического знания объективистского толка, основывается на идеях европейского рационализма XVII века и характеризуется сформировавшимися в эпоху Просвещения представлениями о принципиальной возможности открытия универсальных законов сущего. Их постижение, как ожидалось, приведет к воплощению гуманистических идеалов в практику гармонического реформирования природы и общества. В научном познании эта идея нашла свое воплощение в разработке объяснительных моделей, ориентированных на открытие объективных законов каузального или причинно-следственного типа.

Первой такой детально проработанной теоретической моделью стала *дедуктивно-номологическая* представленная в работах Карла Хемпеля [19; 20]. Основная идея заключается в том, что научное объяснение состоит из двух основополагающих конституирующих элементов: *экспланандума*, т.е. слов, описывающих объясняемый феномен, и *эксплананса*, класса предложений, представляющих собой общие утверждения. Для того чтобы экспланандум успешно объяснял экспланандум необходимо соблюдение ряда условий. *Первое*: «экспланандум должен быть логическим следствием эксплананса» и «предложения, составляющие эксплананс, должны быть истинными» [19, с. 248]. Это означает, что объяснение должно принимать форму дедуктивных аргументов, в которых

экспланандум следует как заключение из посылок эксплананса. Это дедуктивный компонент модели. *Второе*: эксплананс должен содержать, как минимум, один «закон природы», и это должно быть существенной посылкой вывода в том смысле, что вывод экспланандума не будет валидным, если эта посылка будет изъята. Это именно номологический компонент модели («номологический» — философский термин, означающий «закономерный»). В своей наиболее общей формулировке, дедуктивно-номологическая модель означает использование как объяснений «общих повторяемостей» или «законов», так и объяснений отдельных явлений, происходящих в конкретном времени и пространстве.

Основным компонентом дедуктивно-номологической модели является понятие «закон природы», предполагающее различие «случайно правдоподобного» от закона, отражающего объективные причинно-следственные связи. Законы представляют собой не допускающие никаких исключений обобщения, описывающие повторяемости, предполагающие некоторые дополнительные отличающиеся условия, не сформулированные в настоящем, но гипотетически выводимы в будущем.

Один из важных вопросов, возникающих в связи с данной моделью, — о применимости дедуктивно-номологической модели к так называемым специальным наукам — психологии, социологии, экономике и т.п. Они избилуют обобщениями, хоть и выполняющими объяснительную функцию, но не соответствующими многим стандартным критериям закономерности. Другие широко используемые обобщения в специальных науках имеют очень узкие возможности по сравнению с парадигматическими законами, охватывая только крайне ограниченные пространственно-временные области, и испытывают недостаток эксплицитной теоретической интеграции.

В силу отсутствия более принципиальных описаний законов крайне трудно оценить эти конкурирующие утверждения и, следовательно, трудно оценить значение дедуктивно-номологической модели для специальных наук и, в частности, психологии. В более общем смысле, при отсутствии общепринятого определения закономерности, объяснение фундаментальной противоположности между законами и не-законами, лежащее в основе требований дедуктивно-номологической модели, становится неопределенным: трудно оценить утверждение о том, что все объяснения должны полагаться на законы, без ясного описания того, чем является закон и что он вносит в успешное объяснение.

Очевидная уязвимость полагания на закон, как необходимое условие научного объяснения, стимулировала разработку ряда альтернативных теоретических моделей: *статистической значимости* (релевантности), *каузально-механической* и *унификационистской*, представляющих наглядные примеры теоретических построений модернистско-универсалистского толка, пытающихся теми же средствами снять противоречия дедуктивно-номологической модели.

Модель статистической значимости, разработанная W. Salmon, исходит из постулата, что статистически значимые свойства являются объяснительными, а статистически не значимые — нет [27]. Другими словами, понятие свойств, вводящее различия в экспланандум, раскрывается в терминах статистической значимости отношений. Модель статистической значимости отходит от индуктивно-статистической модели, отказываясь от идеи о том, что статистическое объяснение результата может предоставлять основания для вывода о его высокой степени вероятности. В основании модели лежат две идеи: 1) объяснения должны основываться на причинно-следственных (каузальных) связях

и 2) причинно-следственные связи могут устанавливаться статистически значимыми отношениями. В частности, именно эта модель получила широкое распространение в классической экспериментальной психологии, в которой статистическое доказательство приобрело, по оценке J. Mitchell, статус императива [26]. Бесконечное усложнение процедур статистического анализа стало едва ли не самоцелью, а проблема валидности результатов исследований (особенно экологической) приобрела вторичный характер.

Осознание ограниченности модели статистической значимости обусловило разработку *каузально-механистической модели*. В ее рамках каузальный процесс рассматривается как физический, обладающий протяженностью (при этом «протяженность» в целом, хоть и не всегда, означает «пространственно-временную протяженность»). Интуитивно, каузальная фиксация объекта (знак) представляет некоторую локальную модификацию структуры процесса. Процесс способен передавать каузальные фиксации (знаки) если они вводятся в одной пространственно-временной локализации, сохраняясь и в других пространственно-временных локализациях даже при отсутствии каких-либо взаимодействий. Причинно-следственный процесс отличается от псевдо-процессов, лишенных способности передавать каузальные фиксации (знаки).

Другим основным элементом данной модели является понятие причинно-следственного (каузального) взаимодействия. Каузальное взаимодействие включает пространственно-временное пересечение между каузальными процессами, модифицирующими структуру друг друга — каждый процесс приводит к появлению характеристик, невозможных без взаимодействия. В соответствии с каузально-механистической моделью, объяснение некоторого события *E* должно проследивать процессы и взаимодействия,

приводящие к *E* (W. Salmon называет это этиологическим аспектом объяснения).

Основополагающая идея *унификационной модели объяснения* заключается в том, что научное объяснение является вопросом предоставления унифицированного рассмотрения различных феноменов. Успешная унификация может выявлять связи или отношения между феноменами, ранее рассматривавшимися как несвязанные (примерами такого рода объяснений являются теории Ньютона и Максвелла). Вопрос о том, при каких условиях наши интуитивные предположения могут стать более точными, позволяющими открывать характеристики, рассматриваемые как необходимые для исчерпывающего объяснения анализируемой феноменологии, является ключевым.

Одну из первых попыток построения такого рода модели предпринял M. Friedman. Впоследствии она была усовершенствована P. Kitcher, и именно эта модификация получила широкую известность [22]. Основываясь на идее о том, что объяснение является вопросом, вытекающим из описаний многих различных феноменов посредством использования небольшого количества аргументов, P. Kitcher предположил, что, сводя их к все меньшему и меньшему числу, возможно достижение оптимального каузального объяснения. Чем большей строгостью эти аргументы обладают, тем больше ряд порождаемых ими заключений и унифицированное каузальное объяснение. P. Kitcher выражает этот взгляд следующим образом: развитие научного понимания природы путем показа того, как порождаются описания многих феноменов, используя снова и снова сходные паттерны порождения, и в демонстрации этого учат тому, как сводить вместе ряд фактов, принимаемых нами как окончательные [там же].

Современные разработки в области теории объяснения во многом отражают

фрагментированное состояние аналитической философии науки периода упадка логического позитивизма. С определенной долей условности, следуя за G.P. Mayes [24], можно говорить о следующих пяти традициях: 1) каузального реализма; 2) конструктивного эмпирицизма; 3) философии обыденного языка; 4) когнитивной науки; 5) натурализма и научного реализма.

Наиболее полно идеи *конструктивного эмпирицизма* изложены в работе Bas van Fraassen «Научный образ» [29], посвященной защите антиреализма. Автор утверждает, что теоретическая наука полностью строится как творческий процесс конструирования моделей, а не является открытием истины о ненаблюдаемом мире. В своей эпистемической теории объяснения он обосновывает логику почему-вопросов и использует интерпретацию вероятности Т. Байеса. Как и С. Hempel, V. van Fraassen рассматривает объяснение как чисто логическое понятие, характеризуя его как ответы на почему-вопросы, являющиеся по существу оппозиционными по своему характеру, представляя направленность на эксплицитное или имплицитное выяснение того, почему P_k вероятнее, чем некоторый ряд альтернатив $X=?$ Почему-вопросы имплицитно обуславливают значимость отношения R , являющегося объяснительным отношением (например, каузации) любого ответа в упорядоченной паре. При этом отношения значимости определяются интересами личности, формулирующей вопрос. V. Van Fraassen рассматривает проблему объяснительной асимметрии, показывая, что она является функцией контекста. С его точки зрения, вывод будет более объясняющим, если будет способствовать выдвиганию P_k как более вероятного по сравнению со всеми другими членами противоположного класса. Это означает, что вывод должен обладать большей вероятностью P_k над любым другим P_i . На-

иболее подходящим инструментом подсчета объяснительной ценности теории выступают правила выведения Т. Байеса, позволяющие подсчитывать вероятность данного события в отношении ряда основополагающих выводов и некоторой новой информации. Следует заметить, что байесианство довольно популярно и сегодня во многих областях знания и традициях. Отличаясь логической выверенностью, теорема Байеса обладает одной уязвимостью применительно к социальным наукам — невозможностью исчерпывающего определения всех необходимых исходных переменных.

Несмотря на то, что подход V. van Fraassen основывается на рассмотрении объяснения как процесса коммуникации, он акцентирует внимание на логических отношениях между вопросами и ответами, а не коммуникативных отношениях между двумя индивидами. *Философия обыденного языка* провозглашает их как основополагающие, отвергая традиционную эпистемологию и метафизику и концентрируясь на требованиях, предъявляемых к эффективной коммуникации. С точки зрения представителей этого направления философские проблемы не возникают из-за несовершенства языка, а вследствие игнорирования наукой его коммуникативной функции. Соответственно, анализ обыденного языка не заключается в улучшении пользования им посредством прояснения значений в направлении движения к идеальному словарю, а скорее в просвещении всех обыденных значений. Наиболее известный представитель данного направления Р. Achinstein [14] разработал риторическую теорию объяснения, определяя ее как поиск понимания, предполагающего попытку одной личности прийти к пониманию другой, отвечая определенным образом на ряд вопросов.

В отличие от подхода W. Salmon в рамках данного подхода обосновывается существование многих типов вопросов,

используемых на обыденном уровне для достижения понимания (например, кто-, что-, когда- и где-вопросы). Следовательно, ответы на любой из них могут рассматриваться как акты объяснения. S (субъект) объясняет q (задавание некоторых вопросов Q), произнося u , только если S произносит i с интенцией, что его произнесение u изменяет состояние понимания q , производя знание в предложении, выражаемом u , корректным ответом на Q [там же, с. 16]. Этот подход, прежде всего, интересен отходом от ранее обсуждавшихся теорий, своей концентрацией на описании особенностей процесса объяснения самого по себе. Являясь глубоко прагматичным, он выдвигает в качестве основного условия то, что все объяснения являются зависимыми от ряда предписаний, детерминирующих ответы на поставленные вопросы. Пытаясь избежать обвинений в субъективизме, Р. Achinstein отождествляет понимание со знанием, в определенной степени истинным, называя их предположениями, предоставляемыми содержанием, отличающимся от предположений, не имеющих реальных познавательных значений. Однако эта идея является и наиболее неопределенной, создавая основания для вполне обоснованной критики.

Нетрадиционный подход к проблеме научного объяснения представляет *подход когнитивной науки*, рассматривающий его в контексте чисто познавательной активности. Само объяснение представляется как некоторого рода репрезентация, порождаемая стремлением к такого рода активности. Рассматриваемое таким образом объяснение (иногда называемое абдукцией) представляет собой универсальный феномен. Оно может быть осознанным, совещательным, полностью предположительным по своей природе, но оно может также быть неосознанным, инстинктивным и не включать никакого предположительного знания. В этой пер-

спективе термин «объяснение» не является ни металогическим, ни метафизическим отношением, а обладающим теоретическим статусом и собственной объяснительной функцией (т.е. мы объясняем поведение человека исходя из того факта, что он обладает объяснением). В своих радикальных воззрениях когнитивисты утверждают о наличии определенных структур ментальных моделей, находя их нейрофизиологические корреляты. Адресация философских вопросов о природе объяснения соответствующим инженерным системам мозговой активности, способным к объяснительному познанию, вызывает вполне обоснованные сомнения, иллюстрируемые не кончающимися дебатами по проблеме априорности — апостериорности познания.

Натуралистический подход отрицает идею о том, что знание предшествует пониманию, обосновывая принципиальное отсутствие какой-либо индуктивной логики, способной дать априорный фундамент для придания наблюдаемой повторяемости статуса естественного закона. Следовательно, не существует независимого пути установления случая, предшествующего данному случаю. По этой причине многие представители данного подхода обосновывают способ мышления, отличный от эпистемической значимости объяснения. Основная идея заключается в том, что объяснение не является чем-то происходящим на основе предсуществующей истины, а является частью процесса подтверждения самого по себе. С точки зрения натуралистов ведущей целью для достижения максимума объяснительной связанности является манипулирование тремя компонентами картины мира: а) наблюдаемыми объектами и событиями, б) ненаблюдаемыми объектами и событиями, в) номологическими связями. Многие натуралисты принимают идею выведения наилучшего объяснения как фундаментального принципа научного

мышления. Более того, этот принцип рассматривается ими как аргумент в пользу реализма. Логическое обоснование этого вывода выглядит следующим образом: если мы признаем, что ненаблюдаемые единицы существуют как научные гипотезы, они могут рассматриваться как предоставляющие объяснения успешности использующих их теорий, т.е. теории являются успешными по причине их истинности или приближения к ней.

Представленная полифония подходов к проблематике научного объяснения свидетельствует о наличии по крайней мере следующих оппозиций: реализм — антиреализм; натурализм — антинатурализм; детерминизм — индетерминизм; эмпирицизм — конструктивизм; редукционизм — антиредукционизм, специально рассмотренных нами в рамках обсуждения онтолого-эпистемологических оснований существующего многообразия подходов к психологическому знанию [8]. Последняя оппозиция является особенно актуальной сегодня, т.к. дебаты как раз и разворачиваются вокруг вопроса о принципиальной возможности редукции психологической феноменологии к физическим процессам или отсутствия оной. Детальный анализ различных модификаций редукционизма проведен Т. Meuring, различающим четыре редукционистские позиции: *радикальный физикализм*; *идеальный физикализм*; *символический физикализм*; *композиционный физикализм* [25, с. 762–763]. Автор приводит пять антиредукционистских аргументов [там же, с. 763–770], обосновывая перспективность модели множественной дополняемости, обладающей инструментальной ценностью для психологического объяснения. Ему вторит S. Veit, рассматривающий проблему соотношения мышления и мозга: «Ученый при исследовании когнитивных процессов должен задавать вопросы о наличии связи между ними, например, в патологии, в философии мышления и других областях психо-

логии. Но обычно мы не уделяем этому внимания во многих случаях — например, при вопросе “Почему сербы расстреливают косоваров?” — было бы абсурдно (и неуместно) искать нейронные каузальные цепи для историков, политиков, судей и т.п., так же как курьезным это является для людей, находящихся в мире общей коммуникативной рациональности» [17, с. 791].

Идеи антиредукционизма во многом резонируют с идеями онтологического и объяснительного плюрализма, получившими особую популярность в последнее время. Как и редукционизм, объяснительный плюрализм основывается на ряде эпистемологических и онтологических посылок. Но его отличительной особенностью, как отмечает S. Veit, является вывод о том, что к пониманию мира мы должны подходить с разных оснований, исходя из того, «что любой уровень объяснения раскрывает новый тип единиц анализа и свойств, существующих различным образом и определяющих своеобразие объяснений» [там же, с. 786]. Оформившись в дискуссиях по проблеме эволюции культуры и ее соотношения с биологической эволюцией, они обусловили детальное обсуждение фундаментальных вопросов, связанных с человеческой природой. Общепризнанная роль культурной интердетерминации по отношению к психической активности заставляет переосмысливать многие основополагающие вопросы психологического знания в целом и научного психологического объяснения в частности. Как отмечает J. Lachapelle: «Если культура может играть каузальную роль, становится неясным, почему должно приниматься аксиоматическое утверждение о том, что каузация является нисходящей; становится неясным, почему изменения в фенотипе должны обязательно объясняться в понятиях биологической эволюции. Наоборот, само существование второй системы наследования, кажется,

должно легитимизировать идею о том, что высокоуровневые механизмы могут вторгаться в низкоуровневые» [23, с. 349].

Одним из наиболее фундаментальных средств трансляции и актуализации культуры является язык, представляющий собой систему знаков и правил их объединения, способствующих как описанию (упорядочиванию, организации) реальности, так и трансляции его другим со-знаниям. В исследованиях этнографов, кросс-культурных психологов, лингвистов со всей очевидностью показана конституирующая роль языка как в описании, так и объяснении. Эта идея развивается в рамках социально-конструктивистско-лингвистического подхода, обосновывающего то, что «объектом исследования должна быть (определяемая как) первичная лингвистическая символическая активность в контексте реальной жизни или дискурса, в первую очередь потому, что одновременно существуют и другие семиотические средства, подобные жестам и позам» [28, с. 359]. При этом дискурс, по мнению Shih, рассматривается как обладающий тремя взаимосвязанными характеристиками [там же, с. 359–360]. *Первое*: он не является зеркалом или отражением реальности. Скорее дискурс является динамическим и креативным по отношению к реальности: дискурс вводит версии реальности, таким образом предьявляя определенную ее структуру. *Второе*: дискурс является продуктом взаимообмена между индивидуальной и групповой активностью, с одной стороны, и (а) лингвистических, (б) социально-интерактивных и (в) культурных элементов и правил – с другой. Такое взаимодействие проявляется в трех измерениях дискурса. А именно, (а) дискурс конституируется из лингвистических ресурсов – структур (например, слов), процессов (например, метафор) и правил (например, грамматики); (б) он ориентирован на социального другого, будь то вторая, третья или обобщенная личность

(например, вы, он, они или потенциальный партнер по взаимодействию); и (в) он также отражает культурные пути мышления и действия. Здесь важно подчеркнуть, что все эти лингвистические, социально-интерактивные и культурные структуры и процессы являются существующими в природе в том смысле, что они вплетены в нее, сохраняются и воспроизводятся индивидами и группами в текущих ситуациях и взаимодействиях. *Третье*: дискурс является соконституирующей нашей социальной реальности, соконституирующей в том смысле, что она создается посредством понятий, категорий и других процессов создания значений нашего дискурса. Дискурс не является формой лингвистической активности (описательной) о социальных и личных мирах. Скорее дискурс участвует в создании социокультурного переживания (действий и событий вокруг нас) и индивидуальных переживаний (мыслей и чувств внутри нас).

Социокультурная лингвистика определяет мышление как дискурсивное, вводя измерение дискурса, посредством которого оно – когниции, эмоции, самость, сознание и т.п. – конституируется, формируется и оформляется на индивидуальном и коллективном уровнях. В этом конституирующем процессе дискурсивное мышление может, например, предполагаться, проявляться и трансформироваться. При этом мышление как объект социокультурной лингвистики и дискурсивной психологии не выступает в качестве информационно-перерабатывающего механизма, скрытого в наблюдаемом поведении. Скорее, он понимается как процесс создания значений и означивания реальности.

Именно в контексте социокультурной лингвистики и дискурсивной психологии предлагается атрибутивный подход к научному объяснению психологической феноменологии, разворачиваемый в следующих положениях. *Первое*: оно не является ни типом дискурса, ни общим измерением

на протяжении всех дискурсов. Как и другие разновидности дискурса мышления, оно является измерением в дискурсе, характеризующем определенные типы и образцы дискурса, а не другие. Это предполагает, что по мере проявления объяснения (атрибутирования) могут одновременно иметь место другие дискурсивные и социальные активности, вплетенные в него. В этой связи объяснение может происходить в различных единицах дискурса, таких, как предположение, аргументация или целостная, завершенная мысль. *Второе*: это измерение общественного производства и личного понимания поведения или события может реализовываться посредством различных лингвистических и дискурсивных форм (например, глаголов, частиц, пунктуационных структур, последовательностей предложений, нарративов). *Третье*: по отношению к данному каузальному вопросу атрибутивное объяснение может принимать многообразие типов и форм в отношении реальных ситуаций. *Четвертое*: атрибутивные объяснения являются специфично человеческим и социальным феноменом. Не существует ничего в наших индивидуальных и социальных мирах, имплицитно требующих наших объяснений само по себе. Являясь продуктом индивидуальных каузальных восприятий и выведений, атрибутивные объяснения вотканы в социальное взаимодействие и часто направлены на решение межличностных проблем. Наконец, *пятое*: дискурс представляет собой способ, посредством которого вовлекаются атрибутивные процессы, изменяются и решаются конкретные проблемы. Они не являются только лингвистическими феноменами, а одновременно психологическими (и социальными) переживаниями.

Таким образом, становится очевидным, что, *во-первых*, атрибутивное объяснение может порождать различные значения у различных индивидов в различных обстоятельствах. *Во-вторых*, если значе-

ние атрибутивного объяснения частично поставляется контекстом, следовательно, атрибутивное объяснение не имеет фиксированных границ. *В-третьих*, атрибутивное объяснение может обладать специфичным характером, будучи элементом или ресурсом дискурсивного взаимодействия. *В-четвертых*, атрибутивное объяснение может быть очень сложным по своей внутренней организации. Это означает, что оно может иметь различные и многообразные формы и отношения с атрибутируемыми объектами. Наконец, *в-пятых*, обыденный дискурс, как и профессиональный дискурс, играют важную роль в конструировании ментальных атрибуций. Атрибутивные объяснения являются продуктами определенных путей создания значений посредством лингвистических и текстовых структур и процессов [28, с. 375].

В целом подход социально-конструктивистской лингвистики показывает плюралистичность атрибутивного объяснения, определяемую его культурной интердетерминацией, сопровождаемой, в свою очередь, многообразием культурных различий самих по себе, тем самым ставя проблему нахождения оптимума в соотношении имики и итики в научном объяснении.

Поиски решения этой непростой дилеммы способствовали привлечению внимания к идеям объяснительного плюрализма, представляющего взгляд на объяснение в понятиях всех участвующих процессов (в обсуждаемом контексте — биологической и социокультурной эволюции), обладающих равнозначностью — ни один из которых не обладает привилегией над другим. J. Lachapelle отмечает в этой связи, что «объяснительный плюрализм является следствием принятия во внимание того факта, что различные эволюционные феномены, являющиеся результатом различных процессов и имеющие различные причины, требуют различных

объяснений» [23, с. 351]. Объяснительный плюрализм агностичен в отношении вопроса о том, какие объяснения лучше — высокоуровневые или низкоуровневые и агностичен к тому, как оперирует каузация — по нисходящему или по восходящему типу. Так как для объяснительного плюрализма эти вопросы не могут рассматриваться как априорные, они релятивизируются в объяснительном контексте, означая, что ответы на них могут быть получены лишь в отношении процессов, способствующих объяснению феномена, пластичности аргументов, поддерживающих структуру объяснения, и очевидности экспликации феномена в понятиях одного процесса вместо другого. Объяснительный плюрализм идет рука об руку с плюралистической точкой зрения об эволюционном объяснении, чувствительном к идее о том, что два (или более) эволюционных процесса, работая одновременно, могут привести к сходным эффектам. Для объяснительного плюралиста «биологические объяснения и культурные объяснения рассматриваются как дополняющие друг друга, а не конфликтующие» [там же, с. 352]. Особо объяснительные плюралисты настаивают на идее о том, что природа просто не может представить исчерпывающих доказательств в пользу простоты и однонаправленности каузации, предполагаемой онтологическими редукционистами [там же, с. 354]. Это вполне согласовывается с нашим обоснованием необходимости перехода в научном объяснении психологической феноменологии от одномерной логики или/или к логике многомерной и/и.

Реализация такого рода плюралистической логики требует пересмотра понимания фундаментального понятия истины, лежащего в основании любого объяснения. В обсуждаемом контексте наиболее перспективной является разработанная И.Т. Касавиным дескриптивная концепция истины. В ее рамках процесс

установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии результатов сравнения разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса, когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием их ограниченности и условий дополняемости [3, с. 69]. В этой интерпретации истины представлен тезис гносеологического плюрализма.

Применительно к развитию психологического знания, подобная рефлексия, осуществляемая через равноправный диалог альтернативных традиций, свободных от предубеждений друг относительно друга, приводит: во-первых, к преодолению доминанты абсолютной истинности собственных предпочтений, предполагающей исходную толерантность к инакомыслию; во-вторых, рефлексивной идентификации с правоммерностью рассуждений партнера, основанной на плюрализме; наконец, в-третьих, к нахождению точек соприкосновения и пересечения подходов и позиций, создающих возможность совместной проработки идей и решений на более продуктивном диалогическом основании.

Эта многоголосость психологического объяснения таит в себе опасность релятивизма со свойственной ему неопределенностью в психологическом познании. Она стимулирует нахождение путей «определения» или упорядочивания психологического знания, достигаемого посредством диалога, дающего возможность достижения согласованных, консенсуальных объяснений конвенционального свойства. В этом контексте особенно актуальной становится идея полифонии голосов и диалога как инструмента их согласования М.М. Бахтина. Понятие голоса отражает широко распространенное в речи явление, когда слово в высказывании приносит «отзвук чужой индивидуальной

экспрессии, делающей [это] слово как бы представителем целого чужого высказывания, как определенной оценивающей позиции» [1, с. 193]. Бахтин называет завершенность высказывания внутренней стороной смены говорящих, определяющей его способность выражать «некоторую позицию говорящего, на которую можно ответить, в отношении которой можно занять ответную позицию» [1, с. 173].

Эта идея позиционирования особенно созвучна современному психологическому знанию, пытающемуся найти пути сосуществования в условиях многообразия. По мнению R. Harre и L. Langenhove, лишь позиционировавшись, т.е. определившись в системе координат, самоопределившись в собственных представлениях и приоритетах, мы получаем возможность донести их до другого, принять его представления и приоритеты [18]. Такого рода взаимопозиционирование создает уникальную возможность для построения здания взаимного знания и объяснения посредством механизма диалога и посредством установления диалогических взаимоотношений.

Эта же идея лежит в основании диалогической концепции самости как совокупности Я-позиций Н.Я.М. Hermans [21]. Рассматривая самость как множественность голосов или Я-позиций, автор показывает возможности их согласования здесь-и-сейчас, которые появляются в процессе внутреннего диалога. Более того, самость, открытая голосам других, находится в постоянном процессе флуктуирования, направленного на изменение и развитие в процессе установления диалогических отношений. Именно в таких диалогических взаимоотношениях становится возможным создание конвенциональных объяснений психологического знания, носящих социокультурно-интердетерминистский характер.

Акцентирование внимания на интердетерминистском характере диало-

гического объяснения обусловлено тем, что любое объяснение психологической феноменологии, осуществляемое в системе мультипарадигмальных координат, исходно предполагает взаимодействие и взаимовлияние всех привлекаемых систем интерпретаций. В этой связи нельзя оставить без внимания принцип взаимного детерминизма или интердетерминации А. Бандуры, представленный им в одной из наиболее фундаментальных, по нашему мнению, работ XX века «Социальные основания мышления и действий» [16], в которой сформулированы основные принципы метатеории человеческого поведения. Анализируя известную формулу К. Левина $B = f(P, S)$, описывающую поведение как функцию от личности и ситуации, А. Бандура обосновывает отношение взаимозависимости личностной, ситуативной и активностной детерминант человеческого бытия. Согласно этому принципу любое изменение в ситуативном контексте приводит к изменению в личности и характере ее активности и наоборот.

Применительно к анализируемому контексту это означает, что объяснение психологической феноменологии предполагает акцентирование внимания наряду с социокультурно-интердетерминированным контекстом и на личностных особенностях субъектов научного познания и характере их активности, находящихся в отношении взаимозависимости или интердетерминации. Такого рода взаимоотношения не только определяют специфику представленного в объяснении упорядочивания психологической феноменологии, но и сформировавшиеся модели объяснения, а также способы его канализации. Результатом этой интердетерминации является необходимость нахождения совместных решений, направленных на взаимообогащение и взаиморазвитие конвенционального свойства.

Об этом со всей очевидностью свидетельствует история становления и развития социума, пришедшего к осознанию плодотворности идей демократии, в фундаменте которых лежит уважение к инакомыслию и защита индивидуальных прав и свобод. Признавая право другого на наличие отличного от своего мнения, человек приходит к признанию необходимости вырабатывать совместные решения, учитывающие весь спектр существующих точек зрения. Собственно говоря, именно с этого момента, по мнению Дж. Мида, индивид и становится существом социальным, включая в собственный мир также мир окружающих людей и оценивая свои действия с их предполагаемой позиции, тем самым вступая в символические интеракции с социальным окружением. Так как отличительной особенностью человека является преобладающая роль символической природы, предоставляющей ему неизмеримую степень свободы во взаимодействии с внешним миром, то особую актуальность для психологического познания представляет выработка объяснений консенсуально-конвенционального свойства.

Понимание необходимости выработки критериев оценки адекватности и путей согласования разноголосых объяснений, т.е. их интеграции, приводит к осознанию того, что она становится возможной только в диалоге и посредством диалога, открытого другим голосам. Открытость другим голосам является основополагающим свойством толерантного и плюралистичного сознания, являющегося высшим достижением современной цивилизации, что в соответствии подходом В.С. Степина является особенно важным для современного постнеклассического состояния научного знания, характеризующегося включением в предмет рассмотрения его субъекта, являющегося членом сообщества и неизбежно проецирующего свое состояние на научное объяснение [7].

Чтобы быть открытым конструктивному диалогу, по мнению В. Agger, социальные науки должны [15, с. 130]:

- быть рефлексивны в отношении утверждений о непогрешимости их методов исследований и безграничности возможностей;
- рассматривать все дискурсивные (в том числе и научные) тексты как риторические, форма изложения в которых направлена на донесение соответствующих систем значений до читателей, обладающих способностью и возможностью собственной их интерпретации;
- проводить мысль, что язык, конституирующий реальность, предполагает изучение особенностей ее формирования, проявления и развития, определяющих специфику само- и мировосприятия субъекта;
- исключать возможность существования единственно верных, однозначных, универсальных описаний социальной реальности.

Именно качественная гетерогенность природы психологической феноменологии и ее проявлений была положена нами в авторское определение предмета психологического знания в качестве бытия-в-мире самости как био-психо-социальной социокультурно-интердетерминированной диалогической сущности во взаимодействии с социальным и физическим окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении [9, с. 204]. Обозначенный трехмерный континуум и должен задавать рамки психологического объяснения, предполагающего нахождение согласований, предоставляющих относительную определенность (упорядоченность) в само- и миропонимании.

Такого рода качественная разноприродность требует и особого типа объяснения психологической феноменологии, предполагающего, *во-первых*, исходную толерантность, плюралистичность

и рефлексивность сознания исследователя; *во-вторых*, процессуальность; *в-третьих*, социокультурную интердетерминированность и конструируемость; *в-четвертых*, сосуществование качественно разнородных природ; *в-пятых*, экзистенциальную бытийность; наконец, *в-шестых*, механизмов особого типа интеграции как разнокачественных природ, так и знаний, накопленных в альтернативных традициях и подходах.

Решение этой задачи предполагает наличие и иного типа логики — диалогической, выдвигающей в качестве альтернативы классическому или/или диалогическое и/и, при котором альтернативные подходы начинают рассматриваться не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие (В.С. Библер) [2]. Задачей же развития научного познания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного межпарадигмального и междисциплинарного диалога, направленного на взаимообогащение и взаиморазвитие, в том числе и в области научного психологического объяснения. В междисциплинарном диалоге должно осуществляться коллективное искание истины, реализовываться диалоговая форма сотворчества, направленная на созидание взаимоприемлемого объяснения обсуждаемого. В нем, как отмечает Г.М. Кучинский, «реально существуют равные права участников, их участие в диалоге добровольно, они готовы к самораскрытию и самооткровению. У участников диалога доминирует диалогическая установка, которая не допускает объектного отношения к партнеру по диалогу. Диалогическое познание “Другого” обретает характер события, встречи, обязательно включает ценностный аспект, оценку» [5, с. 161].

С учетом исторического опыта, показывающего, по Гегелю, что «все перевороты как в науках, так и во всемирной истории происходят от того, что дух в

своем стремлении понять и услышать себя, обладать собой, меняя свои категории и тем постигал себя подлиннее, глубже, интимнее и достигал единства с собой» [приводится по: 6, с. 49], возможности диалогической интеграции многоголосого психологического объяснения полезнее обсуждать в рамках не способа или метода, а подхода. В этом контексте вполне можно согласиться с предложением А.А. Пископеля о том, что проблему интеграции продуктивнее рассматривать в рамке «психологическая сфера — подход». Автор подчеркивает, что «если исходить из полагания, что подход — это всегда соорганизация “принципов” работы, а эта соорганизация категориально обеспечивается связкой, по крайней мере, принципов *метода, схематизации, представления и идеализации*, то в рамках психологического подхода можно упорядочить, сопоставить и противопоставить в его рамках, скажем такие направления, как бихевиоризм — психологии сознания по принципу *метода*, гештальтпсихологию — эмпирической по принципу *схематизации*; функциональную психологию — ассоцианизму по принципу *представления* и т.п.» [6, с. 49].

Возможность нахождения согласованных объяснений предлагает разработанный нами методологический интегративно-эклетический подход, опирающийся на соответствующие механизмы: *парадигмальное позиционирование, диалог альтернативных традиций и критическое рефлексивное позиционирование* [8, с. 93]. Общая идея подхода заключается в том, что достижение согласованного объяснения в условиях многообразия предполагает: во-первых, четкую артикуляцию авторской позиции (парадигмальных координат, способа теоретического доказательства, исследовательской методологии и методов), включающую определение области приложения, ракурса анализа, возможностей и ограничений

предлагаемых решений; во-вторых, принятие самой возможности существования альтернативных решений, сопровождаемое стремлением ознакомиться и понять их основания и доказательность на соответствующих методологических принципах; в-третьих, самоопределение в собственной позиции и объяснении с учетом существующего спектра альтернативных решений, и возможности взаимообогащения предлагаемыми ими идеями и опытом. Продуктивность данного подхода (в частности, методологических оснований, принципов и механизмов) применительно к консолидации «множества областей, школ, направлений, уровней знаний о человеке в смысловом поле психологии» [4, с. 141] демонстрируется интегративной психологией В.В. Козлова [там же, с. 141–142].

Последующее развитие интегративно-эклетиического подхода к анализу психологической феноменологии нашло свое выражение в постмодернистском социокультурно-интердетерминистском диалогизме [12–13]. В соответствии с ним обосновывается, что научное психологическое объяснение, являясь социокультурно-интердетерминистским и диалогическим по своей сути, становится оптимальным при соблюдении следующих условий:

- плюралистичности и толерантности по своей сути, реализующейся в исходном осознанном принятии факта возможности и полезности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;

- согласованности исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с определением отношения к познаваемости изучаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадений и рассогласований позиций;

- социокультурной-интердетерминированности, выражающейся в призна-

нии взаимовлияния и взаимообусловленности всех факторов, воздействующих на процесс функционирования изучаемого феномена, а также личность его исследователя;

- диалогичности, проявляющейся в способности созидания совместного знания с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанной на логике взаимообогащения и взаиморазвития.

Актуализация перечисленных условий в научном объяснении психологической феноменологии предполагает детализацию и конкретизацию механизмов интегративной эклектизации, ее путей и средств, что будет предметом последующих размышлений и исследовательских воплощений автора.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 159–206.

2. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.

3. Касавин И.Т. О дескриптивном понимании истины // Философские науки. 1990. № 8. С. 64–74.

4. Козлов В.В. Интегративная психология – возврат к предмету психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 132–146.

5. Кучинский Г.М. М.М. Бахтин и феноменологический метод исследования личности // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 151–163.

6. Пископнель А.А. Проблемы интеграции психологии: метод и подход // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 37–50.

7. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.

8. Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетиический подход. Мн., 2000.

9. Янчук В.А. Психология постмодерна // Время как фактор изменений личности: Сб. научн. трудов / Под ред. А.В. Брушлинского и В.А. Поликарпова. Мн., 2003. С. 175–201.

10. Янчук В.А. Эволюция метода социально-психологического исследования: от модернистской экстраспекции к постмодернистской диалогической методологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова и др. Ярославль, 2005. С. 398–410.
11. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Мн., 2005.
12. Янчук В.А. Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 193–206.
13. Янчук В.А. Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 207–226.
14. Achinstein P. The Nature of Explanation. New York, 1983.
15. Agger B. Critical theory, poststructuralism, postmodernism: Their sociological relevance // Annual Review of Sociology. 1991. V. 7. P. 105–131.
16. Bandura A. Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ, 1986.
17. Bem S. The Explanatory Autonomy of Psychology: Why Mind Is Not a Brain // Theory and Psychology. 2001. Vol. 11(6). P. 785–795.
18. Harre R., Langenhove L. Positioning theory. London, 1999.
19. Hempel C. Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. New York, 1965.
20. Hempel C., Oppenheim P. Studies in the Logic of Explanation // Philosophy of Science. 1948. Vol. 15. P. 135–175.
21. Hermans H.J.M. The Dialogical Self as a Society of Mind // Theory & Psychology, 2002. Vol. 12 (2). P. 147–160.
22. Kitcher P. Explanatory Unification and the Causal Structure of the World / In P. Kitcher and W. Salmon (Eds.) Scientific Explanation. Minneapolis, 1989. P. 410–505.
23. Lachapelle J. Cultural evolution, reductionism in the social sciences, and explanatory pluralism // Philosophy of the Social Sciences. 2000. Vol. 30 (3). P. 331–361.
24. Mayes G.R. Theories of Explanation // The Internet Encyclopedia of Philosophy. California State University Sacramento, 2006 [http://www.iep.utm.edu/e/explanat.htm].
25. Meyering T. Explanatory pluralism and macro-causation // Theory & Psychology. 2001. Sage Publications. Vol. 11(6). P. 761–772.
26. Michell J. The Quantitative Imperative: Positivism, Naive Realism and the Place of Qualitative Methods in Psychology // Theory and Psychology. 2003. Vol. 13 (1). P. 5–31.
27. Salmon W. Four Decades of Scientific Explanation. Minneapolis, 1989.
28. Shi-Xu. Attributional explanation: Unraveling structural and qualitative complexities // Journal of language and social psychology. 1999. Vol. 18 (4). P. 356–376.
29. van Fraassen B.C. The Scientific Image. Oxford, 1980.
30. van Fraassen B.C. Laws and Symmetry. Oxford, 1989.